

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОГО РУССКОГО КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ 1803–1806 ГГ.

Кравцов Лев Максимович

Аспирант, Санкт-Петербургского государственного университета
levkravtsov1@yandex.ru

THE CATEGORY OF SPACE THROUGH THE EYES OF PARTICIPANTS IN THE FIRST RUSSIAN CIRCUMNAVIGATION OF 1803-1806

L. Kravtsov

Summary: This article aims to reconstruct one component of the worldview of the participants in the first Russian circumnavigation (1803-1806): their conceptions of space. The sources for this reconstruction are the memoirs and diaries of the expedition's participants. Analyzing the written legacy of the navigators has allowed for the identification of a boundary separating one's own space from the foreign. The work focuses on events (such as crossing the equator and rounding Cape Horn) that reveal specific features of spatial perception. Cases where initial perceptions of various visited localities changed are noted. An archaic layer within the spatial perception of the voyage's participants is demonstrated; however, it is emphasized that their view was primarily scientific. The outcome of the research can be considered the identification of three layers within the eclectic mental map that guided the travelers during the expedition.

Keywords: the first Russian circumnavigation (1803-1806), a picture of the world, worldview, space.

Аннотация: Данная статья имеет целью воссоздать одну из составляющих картины мира участников первого русского кругосветного плавания 1803–1806 гг. – представления о пространстве. Источниками для подобной реконструкции выступают воспоминания и дневники участников экспедиции. Изучение письменного наследия мореплавателей позволило наметить грань, проходящую между своим и чужим пространством. В работе уделено внимание тем событиям (пересечение экватора, обхождение мыса Горн), которые раскрывают особенности восприятия пространства. Отмечены случаи изменения изначальных представлений о разных посещенных местностях. Показан архаичный пласт в пространственном восприятии участников плавания, однако подчеркнуто, что прежде всего их взгляд был научным. Итогом исследования можно считать выделение трех пластов той эклектичной карты, которой руководствовались путешественники в ходе экспедиции.

Ключевые слова: первое русское кругосветное плавание 1803–1806 гг., картина мира, мировоззрение, пространство.

Данная работа посвящена исследованию пространственных представлений у участников первого русского кругосветного плавания 1803–1806 гг. Материалами для подобной реконструкции выступают воспоминания участников экспедиции.

Пространство – одна из основополагающих мировоззренческих категорий. Русская языковая картина мира во многом детерминирована пространством, вследствие чего оно является не просто одной из составляющих русского сознания, а его доминантой [1, с. 24–26]. Фундаментальность пространственных представлений осознавалась и самими участниками кругосветного плавания. Они нередко используют это слово, что свидетельствует: это не навязанная им категория. Кроме того, при описании посещения Японии сразу несколько авторов отразили в воспоминаниях высказанную в связи с этой страной мысль о том, что ее пространство предопределяет образ мышления, поведение, обычаи тех, кто в ней живет [2, с. 239-240; 3, с. 293, 4, с. 156].

Уже в самом начале путешествия предвосхищалась не только его долговременность, но и невероятная даль-

ность [5, с. 18]. Все участники экспедиции осознавали, что им предстоит преодоление огромного пространства. Однако взаимодействие с пространством было гораздо более сложным, чем его простое пересечение.

Важнейшей пространственной дихотомией выступает деление на сушу и море. Многими путешественниками предпочтение отдается морю. Лейтенант Е.Е. Левенштерн несколько раз возвращается к мысли о том, что на корабле человек лишен маски, не может притворяться и скрываться [3, с. 26, 166]. Вторит ему купец Ф.И. Шемелин, ведь, согласно его наблюдениям, те, кто на суше казались храбрыми, на море оказались «всех трусливей и малодушнее» [6, с. 57]. Столь же восторженно пишет о «царстве Нептуна», где торжествует добродетель, и лейтенант М.И. Ратманов [7, с. 377–378]. Левенштерн отмечает, что ссоры на море не могут быть длительными, ведь все слишком тесно связаны [3, с. 53].

На корабле продолжает сохраняться своя, особая атмосфера даже тогда, когда он бросил якорь у берега. Ведь и у острова Св. Екатерины, и в Японии свита главы посольской миссии Н.П. Резанова тяготела к берегу, что

обеспечивало на корабле мир и спокойную жизнь [3, с. 65, 226]. Сам Резанов честно признал, что для него море – «чуждая» стихия [4, с. 44]. Однако стремление завершить длительное плавание и бросить якорь было не только его желанием. Даже для Ю.Ф. Лисянского (капитан корабля «Нева») земля на определенном этапе плавания казалась «приятнее, нежели самый лучший корабль» [8, с. 38].

Морское пространство было неоднородным, в нем можно выделить множество граней. Одна из самых важных – экватор. Его пересечение было значимым событием экспедиции, ведь русскими кораблями это было сделано впервые. По случаю перехода из одного полушария в другое был устроен праздник: «игрище в честь Нептуна» [5, с. 70], «обряды, от первых мореплавателей с издевке употребляемые» [9, с. 46]). Бог морей имел довольно необычный облик, ведь матрос, который исполнял роль Нептуна, был одет так, как будто жил на одном из полюсов [2, с. 22]. Это подчеркивало его причастность к России [3, с. 51]. Торжественность момента ощутили не только россияне, но даже иностранцы, ведь, как пишет натуралист Г.И. Лангсдорф, национальное чувство пробудилось в каждой груди [2, с. 22].

Авторы воспоминаний стараются перенести наиболее важное из северного полушария в южное и пишут, что имя Александра I теперь звучит по другую сторону равноденственной линии [9, с. 46]. А Резанов вручил каждому матросу по пиастру, чтобы подчеркнуть, что внимание императора распространяется на подданных и в южном полушарии [10, с. 159]. Более романтичен Ратманов, который во время всеобщего праздника представлял себе свою возлюбленную [7, с. 111]. Это касается и иных частей его дневника: всякий раз он подчеркивает, что, вопреки пространственной удаленности, его чувства живы [7, с. 146].

Руководитель экспедиции И.Ф. Крузенштерн еще в начале плавания предвосхищал «палящий зной равноденственной линии» [5, с. 18]. Иеромонах Гедеон и приказчик Российско-Американской компании Н.И. Коробицын с удивлением отметили, что на экваторе они не чувствовали жары [11, с. 42; 12, с. 146]. Шемелин писал про «жгущий солнечный зной» в той же части земного шара [6, с. 221]. Матросы перед пересечением экватора часто спрашивали о том, когда настанет «великий жар» («так-то натвердили им о чрезвычайности онаго») [5, с. 69]. Вероятно, за этими словами скрывается древнее представление об огненном поясе в самом центре земного шара [13, с. 26]. А уже в южном полушарии Левенштерн и Ратманов используют слово «антиподы», что опять-таки восходит к архаичным представлениям об обитателях южной части Земли [13, с. 59].

При перечислении знаковых эпизодов плавания Кру-

зенштерн и Шемелин наряду с переходом через экватор отмечают также огибание мыса Горн [5, с. 18; 6, с. 221]. Как и пересечение равноденственной линии, это событие воспринималось как переходное – из одного океана в другой.

Этот мыс имел дурную славу, его обхождение считалось опасным. Однако именно это интриговало экипаж «Надежды» и «Невы», ведь, как писал Левенштерн, мыса Горн ждали, чтобы «внести свое словцо в многочисленные слухи» [3, с. 91]. Лейтенант был убежден в том, что побывать здесь без бури – все равно, что не побывать [3, с. 100]. Когда мыс был оставлен позади, Лисянский [14, с. 73] и Ратманов [7, с. 152] сочли представления об опасности этого места преувеличенными. Но иного мнения был Левенштерн: «До сих пор я никогда не переживал еще худшей погоды» [3, с. 98]. А Крузенштерн гордо отметил, что едва ли кто-то успевал совершить обход за такое непродолжительное время [5, с. 121–122].

Для письменного наследия Крузенштерна, Лисянского и Левенштерна характерна научная оптика. Но иначе описывает плавание вокруг Горна Шемелин. Эта часть его «журнала» насыщена образами. Князь ветров, стерегущий границу между двумя океанами, обрушивает свою ярость на тех, кто посмел усомниться в его славе [6, с. 120–121]. Именно так виделась купцу та буря, которая застигла «Надежду» и «Неву» у мыса Горн.

Описание обхождения мыса Горн делает очевидным, что многие пространства рассматриваются как неподвластные человеку. Мореплавателям остается смириться с теми условиями, которые ставит перед ними та или иная область. Именно поэтому хозяин здесь не человек, а некий вымышленный персонаж, например князь ветров, о котором пишет Шемелин, или (особо часто) Нептун [7, с. 377; 3, с. 179; 11, с. 41].

Именно природа, а не человек наделила духом не только мыс Горн, но и иные водные пространства, которые бороздили корабли. Для Шемелина Южный океан – бурный и страшный [9, с. 53], а Тихий – мирный [9, с. 100]. Левенштерн называет Японское море проклятыми водами [3, с. 184], а также незнакомыми и опасными [3, с. 321]. То же самое относится и к суше – «места благословенные» – это остров Св. Екатерины в глазах Ратманова [7, с. 126]. Всякий раз эти эпитеты связаны с природой того или иного места.

Не только морские, но и сухопутные пространства проходили проверку на соответствие своему изначальному образу. Шемелин в неопубликованной версии своего «журнала» пишет об острове Тенерифе как о Элисейских полях [6, с. 80], а в опубликованном варианте того же источника уподобляет это место Эдему [9, с. 36]. Впрочем, этот навязанный идеалистический образ острова

противоречил эмпирической реальности, на чем купец сделал акцент во всех версиях своего «журнала».

Однако участники плавания заранее не имели определенного предварительного представления о некоторых из тех пространств, которые им предстояло посетить впервые. Таковой была и даже после полугодичного пребывания там оставалась Япония. Шемелин уподобляет страну восходящего солнца зданию, «которое видно только снаружи и вдали, коего внутренность и находящиеся поблизости его предметы остаются непроницаемыми» [15, с. 186]. Подтверждает это и руководитель экспедиции, который пишет о Японии следующим образом: «300 лет уже известного, но и поныне все еще неизведанного государства» [16, с. 22].

Образ пространства определяла не только природа, но и человек. Пространство само по себе предстает пустым, но человеческая деятельность наполняет его. Неслучайно Лангсдорф писал, что пейзаж наскучил ему без людей [2, с. 76], а Левенштерн выражал свое убеждение в том, что Отечество составляют родные люди, без которых все местности равны [3, с. 463–464].

Если обратиться к пейзажам, созданным участниками плавания, то редкие из них обходятся без человека. Включался человек не только в пейзажи, но и в словесное описание пространства. Часто земли описываются не отстраненно, а с оценочными суждениями, которые делают автора частью пейзажа.

Очеловеченность пространства проявилась в том, что авторы воспоминаний многие посещенные ими места ассоциировали с теми мореплавателями, которые до них были здесь. Наиболее часто всплывают имена Д. Кука и Ж.-Ф. де Лаперуза. Пространство в воспоминаниях раскрывается путем рассмотрения деятельности тех, кто здесь оставил «след».

Те же точки, которые по каким-то причинам были еще не «очеловечены», наделялись в ходе экспедиции собственными наименованиями. Воспоминания Крузенштерна позволяют составить перечень «рожденных» в плавании топонимов: мыс Россиян, гора Тилезиуса, мыс Грейга, мыс Надежды, мыс Кагул, мыс и залив Румянцева, залив Мордвинова, пик Сарычева, мыс Беллинсгаузена, мыс Рымник, мыс Ратманова, мыс Делиль де ла Кроэра, мыс Ромберга, мыс Головачева, оконечность Вирста, мыс Левенштерна, остров Серифос, мыс Васильева, мыс Фида-Буонгоно, мыс Гамалея, мыс Голенищева-Кутузова, мыс Новосильцева, залив Строганова, мыс Шишкова, мыс Шепя, мыс Сенявина, пик Бернизет, мыс Далримпля, мыс Соймонова, река Нева, купа островов Каменные ловушки, пик Кошелева, залив Низкобережный, оконечность Песчаная, мыс Отмели, холм Соединения, мыс Клокачева, мыс Горнера, пик Эспенберга, мыс Чирикова,

мыс Данвиля, мыс Нагаева, гора Шуберта, остров Юлии, мыс Факунда, залив Сухтелена, гора Палласа, мыс Муловского, гора Тиара, мыс Кохран, мыс Данвиль, мыс Нагаев, мыс Чичагова, мыс Чесма, гора Цаха, мысы Елизаветы и Марии, мыс Хабарова, пик Фус, порт Чичагова.

Названия разным местностям были даны и Лисянским. Один из островов (впрочем, по настоянию подчиненных) он назвал своим именем [8, с. 225–226]. Крузенштернов камень – тоже нововведение Лисянского. Одну из речек он назвал Невкой, а мель – Невской.

Освоение морского пространства всякий раз было ознаменовано развевающимся флагом. Ратманов гордо пишет, что корабль находится там, где еще никогда российский флаг не развевался [7, с. 106]. Шемелин столь же радостно пишет о том, как первый раз «российский императорский штандарт развевался на водах японских» [15, с. 32]. Более пространно он пишет о том же в неопубликованном варианте своего «журнала»: «Российский орел, преодолев все препятствия, полет его останавливающие, облетел безвредным кругом света и теперь парит уже по воздуху тихому и ничем не возмущаемому, спешит возвестить державе Японской мир и дружбу россиян и с основанием в Нагасаки новой торговли, выгоды оной проистекающие, утвердить между двух соседственных государств» [6, с. 221]. Не менее примечательным шагом было освоение сухопутного пространства: «...поставить русскую ногу на такую землю, которую строгие японские законы сделали для всех иностранцев неприкосновенной» [15, с. 32].

На вершине горы Эчком Лисянский оставил здесь «в знак памяти» кувшин с бумагой, на которой были имена всех присутствовавших. Он поступил так, поскольку никто из европейцев прежде не посещал этого места [8, с. 125]. Подобный ритуал он повторил при открытии нового острова: воткнул шест в землю, в которую также поместил бутылку с запиской, закреплявшей за мореплавателями первенство [8, с. 221].

Все это связано с одним важным принципом освоения пространства – стремлением к новому и неизведанному. Именно поэтому капитаны «Надежды» и «Невы» едины во мнении: необходимо отдалиться от кильватерного следа предшественников и прокладывать новый путь [16, с. 288; 8, с. 214–215]. Атмосфера на «Надежде» и «Неве» напоминала охоту за открытиями, неизведанными пространствами. Экипаж следил за горизонтом, проявлял внимание ко всему тому, что может предвосхитить сушу. Тому, кто увидит землю, была назначена награда. Иногда желаемое выдавали за действительное и видели несуществующую сушу [3, с. 141].

Руководствуясь поиском новых земель, путешественники не всегда брали курс на реальное пространство.

Поиски якобы существующего острова Ассенцао оказались безуспешными. «Кроме того, министр коммерции граф Н.П. Румянцев 13 июня 1803 г. послал Крузенштерну письмо, в котором предложил сделать попытку отыскать лежащие к востоку от Японии острова серебра и золота (Rica de Oro и Rica de Plata), о которых ходили легендарные слухи среди испанских и голландских моряков XVI и XVII столетий», – пишет В.В. Невский [17, с. 38]. Эти острова также оказались лишь иллюзией, хотя и весьма соблазнительной.

Порой даже реальные, видимые земли намеренно искажались и искусственно преобразовались в глазах участников плавания. Особо впечатлительными оказались матросы, которые убеждали друг друга в движении трех камней, которые были известны как три брата [7, с. 251].

Воображение было важным импульсом для путешественников. Только воображение, как писал Левенштерн, позволяло определить текущее местоположение на карте [3, с. 105]. Ведь имеющиеся карты часто были не точными, из них часто следовало то, что корабли двигались по суше или подводным камням [3, с. 328–329]. Отсюда проистекали следующие выражения: «мнимый пролив» [3, с. 333], мнимые острова [16, с. 287], «воображаемая гавань» [3, с. 371].

Несовпадение сложившихся к началу плавания географических представлений и реального пространства стало причиной корректировки изначальных воззрений и отправной точкой для составления мореплавателями новых карт.

Те образы, которыми авторы воспоминаний насыщали пространство, зачастую имеют античное происхождение. На острове Нуку-Хива Ратманов задается вопросом: не тот ли этот остров, который принадлежит Калипсо? [7, с. 191]. А название реки Амур заставляет его представить себе «крылатого малютку», который стреляет из лука [7, с. 364].

Однако несмотря на то, что пространство наделялось воображаемыми чертами, взгляд на него был прежде всего научным. Это было продиктовано эпохой, экспедиции которой – «мощный интеллектуальный рычаг познания мира» [18, с. 145], а мореплаватели – «путешественники-исследователи» [18, с. 144]. Свою миссию участники кругосветного плавания видели в том, чтобы сделать образ пространства более научным и объективным.

Многие пространства названы мемуаристами «далекими». Часто свое положение они воспринимали как пребывание «на краю света». Подобные выражения предполагают определенную иерархию, при которой конкретное место становится точкой отсчета, а все

остальные области характеризуются как близкие или далекие относительно данной локации.

Приверженность родной земле проявлялась у ряда авторов. Левенштерн на острове Св. Екатерины вспоминает об Эстляндии, где жили его родственники [3, с. 77]. А вид Камчатки напоминает Лангсдорфу об Альпах [2, с. 174]. Общим для большинства участников плавания был вопрос, сформулированный Левенштерном: «Когда же мы опять будем "у нас"?». В то же время он подчеркивает, что «у нас» можно понимать по-разному: это выражение может указывать на дом, а может – на часть света [3, с. 95].

Сопоставляя разные отрывки из письменного наследия участников плавания, можно заметить, что значение слов «у нас» действительно изменчиво. При посещении Китая участниками плавания подчеркивалось, что впервые именно российские корабли прибыли в эту страну [8, с. 249; 16, с. 323]. Иногда у участников экспедиции появляется повод для еще большей гордости, ведь до них в некоторых местах не бывали ни россияне, ни европейцы. Это касалось одной из частей острова Нуку-Хива: «мы <...> были первые из европейцев, их посетивших» [5, с. 164]. Кроме того, они были первопроходцами и на северном Сахалине: «мы приставали здесь первые из европейцев» [16, с. 190]. Порой участники плавания выступали в гораздо более обобщенной роли: Шемелин называет себя и иных участников плавания не россиянами и даже не европейцами, а жителями Севера [6, с. 221].

Получается, что место нахождения влияло на территориальную идентичность участников плавания. И все же в зависимости от своего пространственного положения они чаще всего выступали представителями России или Европы.

В рецепции путешественников в большинстве случаев «далекие» земли проигрывают в сравнении с родными. Например, Ратманов, объясняя читателю своего дневника, зачем он отправился в плавание вокруг света, пишет следующее: «чтобы лучше цену дать моему отечеству» [7, с. 90]. Множество сопоставлений иноземного и русского предпринимается в пользу последнего у Шемелина. Если же вдали от дома встречалось нечто привычное, то это с радостью отмечалось путешественниками [19, с. 313].

Примечательно, что моментом прощания с родным пространством стало не самое начало экспедиции, когда корабли покинули Кронштадт. Так, Резанов прощался с Отечеством у островов Эзель и Даго. На дальнейший этап путешествия он смотрел как на вступление в «чуждые воды» [4, с. 45]. А для Крузенштерна «последняя ночь у берегов европейских» была озарена светом Лизардского маяка [5, с. 46]. Получается, что для него знаковым

эпизодом было прощание не с Россией, а с Европой. В пользу этого говорит и то, как он описывает завершение плавания, выражая желание «ступить на европейский берег близ своего отечества» [16, с. 455]. Все это позволяет вспомнить о намеченном в одном из исследований делении участников кругосветки на «западников» и «восточников» [20, с. 49].

Если руководитель экспедиции зафиксировал прощание с Европой, то Левенштерн отметил возвращение к ней. Речь идет об увиденных с корабля Оркнейских островах [3, с. 465].

Подведем итоги.

Рассматриваемую категорию можно считать важнейшим «героем» воспоминаний участников плавания, ведь часто именно пространство – один из основных объектов их внимания, описания и изучения. Пространство представлялось участникам плавания той стихией, которую можно преодолеть, изучить («изведать», «испытать»), открыть («обрести»), описать, изобразить. Таковы основные физические, научные и художественные действия по отношению к пространству.

Говоря о пространстве, невозможно обойти другую неразрывно связанную с ней категорию – время. Причем в ряде случаев в письменном наследии участников плавания пространство и время меняются местами.

Поскольку иногда время раскрывается с использованием пространственных координат (а именно такую подмену можно увидеть в высказывании Крузенштерна: «По нашему корабельному счислению, которое было одним днем *позади* (курсив мой – Л. К.)» [21, с. 78–79], то, вслед за исследователем [5, с. 326], можно расценить это как прагматичный подход ко времени, стремление подчинить его себе и перемещаться в нем так же свободно, как и в пространстве. Противоположные случаи (вместо пространственной характеристики используется временная [3, с. 51, 10, с. 158] связаны с тем, что территориальное положение определялось с использованием хронометров.

В целом, участники плавания стремились подчинить

себе и время, и пространство. Неслучайно Левенштерн завидовал тем своим предшественникам, которые имели большую свободу «в распределении времени и перемене маршрутов» [3, с. 376].

В картине мира участников плавания наличествовало несколько «карт». Одна – сугубо научная. На другой преобладали воображаемые пространства. А на третьей все территории сравнивались с родной землей: далеки они от нее или нет, подобны ей или нет. Все эти три пласта сосуществовали, их можно объединить в одну эклектичную «карту», которая отражает переходный характер эпохи, когда идеалы эпохи Просвещения проходили проверку на соответствие эмпирической реальности.

Метод познания пространства участниками плавания можно определить как эмпирический. Они не были в плену у теоретических представлений – их воззрения в ходе экспедиции проходили проверку, вследствие чего многие пространственные представления были скорректированы.

Важным желанием участников плавания была организация далеких областей по образу и подобию родных. Эти интенции выдают желание путешественников преобразовать пространство в соответствии с привычными представлениями, унифицировать его.

На противоречивый характер экспедиций эпохи Просвещения справедливо указал историк Д.Н. Копелев: «Под влиянием эпохи Просвещения изменилась сама идеология кругосветных плаваний, трансформировалась и ее культурная "оболочка". С одной стороны, они становятся предметом национальной гордости, а проведение столь масштабных предприятий повышает державный престиж. С другой стороны, кругосветные плавания выходят за рамки национальных историй, они становятся достоянием всего цивилизованного общества и превращаются в научную модель познания мира», – пишет исследователь. [18, с. 45]. Участники первого русского кругосветного плавания испытывали беспредельную приверженность отечеству [7, с. 412], но в то же время согласились бы с высказыванием одного из своих кумиров: «Мореплаватели являются гражданами вселенной» [Цит. по: 18, с. 75].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
2. Langsdorff G.H. von. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Bd. 1. Frankfurt am Main, 1812. 303 s.
3. Левенштерн Е.Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном. Дневник лейтенанта «Надежды» (1803–1806). СПб.: ЦКП ВМФ, 2003. 594 с.
4. Командор. Страницы жизни и деятельности двора Его Императ. Величества действ. камергера, руководителя первой рус. кругосвет. экспедиции Н.П. Резанова. Сост.: Авдюков Ю.П. и др. Красноярск: Офсет, 1995. 700 с.
5. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах. Ч. 1. СПб.: Морская типография, 1809. 388 с.

6. Шемелин Ф.И. Первая русская кругосветная экспедиция 1803–1806 годов в записках приказчика Шемелина. Сост., вступ. стат. и коммент. К.А. Можайской, О.М. Федоровой. СПб: Крига, 2025. 464 с.
7. Ратманов М.И. Чтобы лучше цену дать своему Отечеству. Первая русская кругосветная экспедиция 1803–1806 в дневниках Макара Ратманова. СПб.: Крига, 2015. 567 с.
8. Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах, по повелению его Императорского Величества Александра Первого, на корабле Нева, под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I-го ранга и кавалера Юрия Лисянского. Ч. 2. СПб.: Типография Ф. Дрехслера, 1812. 335 с.
9. Шемелин Ф.И. Журнал первого путешествия россиян во круг земного шара, сочиненный под высочайшим его императорского величества покровительством Российско-Американской компании главным комиссионером московским купцом Федором Шемелиным. Ч. 1. СПб.: Медицинская типография, 1816. 168 с.
10. Отечественные записки. Ч. 20. № 54 (окт.). СПб.: Тип. Плавильщикова, 1824.
11. Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803–1808 гг. // Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М.: Мысль, 1994. С. 27–122.
12. Записки приказчика Российско-Американской компании Н. И. Коробицына // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках: Сборник материалов / Под ред. А.И. Андреева. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1944. С. 118–221.
13. Райт Дж.К. Географические представления в эпоху крестовых походов: Исслед. средневековой науки и традиции в Запад. Европе. Отв. ред. и авт. предисл. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1988. 477 с.
14. Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах, по повелению его Императорского Величества Александра Первого, на корабле Нева, под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I-го ранга и кавалера Юрия Лисянского. Ч. 1. СПб.: Типография Ф. Дрехслера, 1812. 246 с.
15. Шемелин Ф.И. Журнал первого путешествия россиян во круг земного шара, сочиненный под высочайшим Его Императорского Величества покровительством Российско-Американской компании главным комиссионером московским купцом Федором Шемелиным. Ч. 2. СПб.: Медицинская типография, 1818. 428 с.
16. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах. Ч. 2. СПб.: Морская типография, 1810. 471 с.
17. Невский В.В. Первое путешествие россиян вокруг света. М.: Географиз, 1951. 272 с.
18. Копелев Д.Н. От мыса Головнина к Земле Александра I: российские кругосветные экспедиции в первой половине XIX века. М.: Издательство "Политическая энциклопедия", 2021. 311 с.
19. Langsdorff G.H. von. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Bd. 2. Frankfurt am Main, 1812. 335 s.
20. Govor E.V. Twelve days at Nuku Hiva Russian encounters and mutiny in the South Pacific. Honolulu: Univ. of Hawai'i press, cop. 2010. 301 p.
21. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (Модели пространства, времени и восприятия) М.: Гнозис, 1994. 343 с.

© Кравцов Лев Максимович (levkravtsov1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»